

Принесли печеную рыбу. Цзян Линь разделил её ножом и с улыбкой произнес:

— На самом деле еще до приезда в мастерскую я понимал, что ты, скорее всего, ни при чем.

Шэнь Син, не переставая жевать мясо, поднял голову и слегка прищурился:

— Это потому, что Хэйбао обнюхал мой кейс?

— Не только поэтому. Наркаторговцы крайне бдительны. Если в машине действительно есть груз, они ни за что не подпустят к ней постороннего. Тем более они стали бы в разы осторожнее, увидев немецкую овчарку. А ты вел себя совершенно спокойно. И был еще один момент...

Цзян Линь замолчал на секунду. Шэнь Син любопытно спросил:

— Какой?

— Ну, если у торговца наркотиками всё в порядке с головой, он вряд ли наймет для перевозки человека, который даже колесо сменить не может... ведь так?

Горные дороги здесь плохие, пробитое колесо — обычное дело. Когда Шэнь Син вышел из машины с тем самым видом «караул, не знаю, что делать», подозрения Цзян Линя практически испарились.

Шэнь Син промолчал, но это «ведь так» в конце фразы прозвучало для его ушей довольно обидно.

— То есть меня исключили из списка подозреваемых только потому, что я оказался слишком беспомощным?

Цзян Линь поспешно замахал руками:

— Ты благородный народный врач. Тебе важно уметь чинить людей, а уметь менять запчасти в машине вовсе не обязательно.

Шэнь Син не выдержал и рассмеялся:

— Значит, то, что ты потом сам нашел мне мастерскую и ехал со мной всю дорогу, было искренним желанием помочь?

Цзян Линь поджал губы:

— Не совсем. Видишь ли, многие перевозчики даже не знают, что везут запрещенку. Наркаторговцы очень хитры: они часто прячут товар в чужих машинах — иногда в частных, иногда в грузовиках. Владелец не может проверять кузов на предмет лишних деталей перед каждой поездкой, поэтому часто неосознанно вывозит товар прямо из-под носа полиции. А в пункте назначения поделщики тихо снимают груз с твоей машины. Поэтому, хоть я и считал, что ты чист, я опасался, что в твою машину могли что-то подбросить. Вот и присматривал за тобой.

Шэнь Син был по-настоящему потрясен. Несмотря на то, что с детства в школах проводят лекции о вреде наркотиков, обстановка в Тяньцзине и в Юньнани сильно отличается. Обычный человек почти не сталкивается с такими вещами, не говоря уже о методах контрабанды. Он даже начал сомневаться, не подкрутили ли ему что-нибудь в машине на самом деле:

— Мою машину точно проверили? Всё в порядке?

Цзян Линя это позабавило:

— Не волнуйся, её осмотрели уже дважды. Мэйцю — отличный профи. Если она сказала, что всё чисто, значит, так и есть.

— Мэйцю? А это кто?

— Та самая овчарка, которая вчера проверяла твою машину во дворе управления.

Шэнь Син вспомнил пса, которого видел вчера:

— Так это был не Хэйбао?

Цзян Линь так и думал, что он их перепутает:

— Хэйбао уже на пенсии. Вчера твою машину осматривала Мэйцю, служебная собака нашего управления. Тоже немецкая овчарка.

Шэнь Син оживился:

— Значит, Хэйбао и правда был полицейским псом? Ты приютил его после службы? Я только в интернете читал, что люди забирают служебных собак. Говорят, там очень строгие условия отбора хозяев.

Не зря Хэйбао с первого взгляда показался ему таким величественным, не чета обычным домашним собакам. Оказалось, это заслуженный пес при исполнении. Цзян Линь опустил голову, в его глазах на мгновение промелькнула тень:

— Да, я был знаком с его бывшим кинологом. Условия подошли, вот я его и забрал.

Шэнь Син приободрился:

— Ого! Теперь понятно, почему он такой красавец. У меня ведь тоже есть собака, знаешь? Самоед. В субботу заберу его из доставки. Надо будет их познакомить с Хэйбао.

Цзян Линь вспомнил то голосовое сообщение от Шэнь Сина и улыбнулся:

— Помню. Твой самоед боится грозы.

Когда дорожные недоразумения были улажены, Цзян Линь снова поднял бокал:

— Ну что, больше не сердись на меня?

Шэнь Сину стало смешно. Казалось, этот человек очень боится его обидеть. Он тоже поднял бокал:

— Да не такой уж я и мелочный. Забыли.

Они лихо осушили свои стаканы с соком.

Приятно было встретить земляка так далеко от дома. Когда лед тронулся, беседа потекла свободнее. После того как Цзян Линь в очередной раз похвалил Шэнь Сина за решение поехать

в Юньнань на помощь коллегам, тот смущенно его прервал:

— Погоди, герой. Я вовсе не такой благородный, как ты расписываешь. По правде говоря, я приехал сюда не по своей воле. Меня... можно сказать, сослали.

Цзян Линь не совсем понял:

— Сослали?

Шэнь Син вздохнул и приговорил еще стакан сока. Цзян Линь тут же подлил ему еще.

Врач рассказал про случай в больнице Юэтань, когда из-за необходимости ампутации начались разбирательства с семьей пациента. В его голосе уже не было той ярости, что в первые дни, скорее сквозила усталая обреченность.

— В общем, как-то так. Я и не думал ехать на границу, просто так сложились обстоятельства.

Цзян Линь слегка нахмурился. Хоть Шэнь Син и не вдавался в детали, полицейское чутье подсказывало: если бы родственники просто шумели в больнице, его бы сюда не отправили.

— Семья пациента сделала что-то еще, кроме скандалов в больнице?

Шэнь Син поднял взгляд, в его глазах читалось восхищение:

— Сразу видно полицейского. Да, за мной начали следить, караулили у дома. Сейчас отношения между врачами и пациентами очень натянутые. В прошлом году в другой больнице Тяньцзиня вообще врача ножом ударили. Я доложил руководству, и они, опасаясь, что со мной случится беда, отдали мне это место по программе поддержки окраин.

Заметив, что Цзян Линь всё еще хмурится, Шэнь Син постарался сменить тон на более легкий:

— На самом деле это даже к лучшему. В поездке в Юньнань есть свои плюсы: для будущей карьеры такая строчка в биографии очень полезна.

Несмотря на эти слова, Цзян Линь чувствовал, что Шэнь Син не хотел уезжать. Или, по крайней мере, не хотел уезжать по такой причине. Он слегка сжал пальцами стакан и спросил:

— Ты злишься на того пациента, который упрямо отказывался от ампутации?

Шэнь Син отправил в рот очередной сверток с мясом, откинулся на спинку стула и на мгновение задумался. В его взгляде промелькнула растерянность, сменившаяся смирением:

— Сложно сказать, злюсь ли я. Знаешь, когда долго работаешь врачом, начинаешь существовать в другой плоскости, нежели пациенты. Для большинства медиков главное — спасти жизнь. Если человека нет, то и всё остальное теряет смысл. Поэтому в критической ситуации жизнь для нас важнее всего. Но для пациента это не всегда так. Для того мужчины, например, нога была если и не важнее жизни, то точно стоила того, чтобы рискнуть всем.

Цзян Линь сидел, опустив голову. О чем-то вспомнив, он вдруг спросил:

— Ты считаешь, что он поступил неразумно?

Шэнь Син выпрямился, сложил руки на столе и уставился на собеседника своими чистыми, внимательными глазами. Цзян Линь под этим взглядом почему-то почувствовал себя неловко.

— Герой, знаешь что? На основе этой истории я мог бы написать диссертацию на тридцать тысяч знаков на тему «Важность взаимного доверия в отношениях врача и пациента».

Цзян Линь моргнул и кивнул, призывая продолжать. Шэнь Сину давно нужно было выговориться, и вот наконец нашелся слушатель:

— Сейчас все твердят, что отношения свекрови и невестки — это целая наука. Так вот, я тебе скажу: по сравнению с парой «врач-пациент» свекровь с невесткой — это просто детский сад.

Цзян Линь невольно улыбнулся такому сравнению:

— Это еще почему?

— Свекровь и невестка — это хотя бы два конкретных человека, с которыми можно договориться. А с пациентами никогда не знаешь, на кого нарвешься. Есть такие, кто приходит не лечиться, а устраивать экзамен доктору. Спрашиваешь о симптомах, а он тебе: «Вы что, сами не видите?» Позвольте, я врач, а не гадалка!

Цзян Линь рассмеялся в голос. Шэнь Сина уже было не остановить:

— А есть те, в ком живет дух противоречия. Они хотят вылечиться, но не верят ни одному твоему слову. Смотрят на тебя так, будто в больницу их заманила банда мошенников. Это категория «недоверчивых». А есть полная противоположность — те, кто верит в тебя слишком сильно и пытается манипулировать. Мой последний случай — как раз из таких. Семья считала: «Раз уж мы в больнице, вы не посмеете дать ему умереть». Когда у пациента начали отказывать почки и печень, всё отделение по очереди объясняло им: ногу не спасти, ампутация — единственный шанс выжить. И что? Никто не поверил. Они думали, что если посильнее надавить на врача, тот совершит чудо. Врач для них не человек, а божество с волшебной палочкой.

Цзян Линь уточнил:

— То есть пациент не соглашался на операцию, потому что не верил, что его жизнь в опасности?

Шэнь Син кивнул:

— Именно. Мы предложили ампутацию сразу при поступлении, и вся их огромная семья решила, что мы просто хотим облегчить себе работу. Или, чего доброго, содрать побольше денег за операцию. Они решили, что мы не хотим его лечить по-настоящему. К тому же в их логике: «Если с отрезанной ногой люди живут, то почему без ампутации он должен умереть?» Они не верили до последнего. В итоге внутренние органы отказали мгновенно. Не прошло и двух дней — острая недостаточность, и человека не стало. Ну а дальше ты знаешь.

За разговорами и едой время пролетело незаметно. Было уже почти девять вечера, когда они встали из-за стола. Шэнь Син подошел к кассе, чтобы расплатиться.

— Тот господин уже всё оплатил, — ответила администратор.

Шэнь Син обернулся и увидел, как Цзян Линь застегивает куртку. Врач, объевшийся до отвала, привалился к стойке:

— Герой, ты когда успел? Мы же договаривались, что угощаю я.

— Ты же сам называешь меня героем. А герои не позволяют другим платить за себя.

— Ух ты, какой у нас герой при деньгах!

<http://bllate.org/book/15778/1433812>